

С.И. Панова

**СЛАВЯНСКИЕ РЕДАКЦИИ ДИАТАКСИСА
ПАТРИАРХА ФИЛОФЕЯ КОККИНА**

Диатаксис, или Устав Божественной литургии (*Διάταξις τῆς Θείας Λειτουργίας*), — богослужебный текст, создание которого приписывается патриарху Константинопольскому Филофею Коккину в период 1364—1376 гг. В результате перехода в XIII—XIV вв. Византийской православной церкви на Иерусалимский устав формируется и соответствующий комплекс богослужебных книг — Минеи, Октоиха, Триоди, Часослова, Служебника, Псалтири, Апостола и Евангелия, а также составляется текст Диатаксиса, который становится основным регулятором совершения литургии.

Новый Иерусалимский устав получает широкое распространение на Афоне, где появляются первые его славянские переводы и составляется соответствующий комплекс богослужебных книг, включающий Устав литургии. Следовательно, одной из первых славянских редакций Устава литургии, вероятно, является именно Афонская редакция, названная так, поскольку в служебниках она соединяется с молитвами литургии Иоанна Златоуста Афонской редакции¹. Крупные переводческие и редакторские работы ведутся южными славянами в книжных центрах в Константинополе, на Афоне, а вслед за тем в Сербии и Болгарии. Болгарский патриарх Евфимий Тырновский проводит богослужебную реформу в Болгарской церкви, за которой следует книжная справа, и в соответствии с новым уставом формируется новый комплекс богослужебных книг. К трудам самого патриарха (или его круга) относится особая, болгарская, редакция Устава литургии патриарха Филофея, содержащаяся в так называемом Зографском свитке и Зографском служебнике XIV в., который был приготовлен для руководства при новом богослужении².

В Русской православной церкви литургическая реформа осуществляется во второй половине XIV в. В связи с принятием Иерусалимского устава на Руси появляются и распространяются славянские переводы самого устава, нового комплекса богослужебных книг, а также Диатаксиса. К второй половине XIV в. относится и появление собственно русских редакций всех этих текстов. Особая русская редакция Диатаксиса патриарха Филофея обнаруживается в русских служебниках конца XIV — начала XV в. О ее принадлежности русской письменной традиции говорит тот факт, что данная редакция встречается преимущественно в русских рукописях. Вопрос о происхождении этой редакции затрагивался

в работах И.Д. Мансветова, который выделял два славянских перевода Диатаксиса — перевод Евфимия Тырновского и русский, так называемый перевод митрополита Киприана³. По мнению Мансветова, митрополит Киприан, прошедший ранние годы на Афоне и получивший там религиозное и книжное воспитание, имел связи с Константинополем и патриархом Филофеем и, следовательно, перенес литургические реформы Византии на русскую почву. Он же редактирует и вводит в употребление новые богослужебные тексты, в том числе Диатаксис патриарха Филофея. Такой вывод делается исследователем на основании рукописи ГИМ, Син. 601, XIV в., где имеется приписка о написании этого текста самим митрополитом Киприаном. Н.Ф. Красносельцев, изучивший славянские рукописи Ватиканской библиотеки и обнаруживший служебник-конволют Vat. Slav. 14 (XIV в.), также содержащий Диатаксис патриарха Филофея, утверждал, что он был составлен в конце XIV в. и автором был митрополит Киприан⁴. А.М. Пентковский на основании присутствия в тексте Vat. Slav. 14 характерной московской памяти — митрополита Петра, нового чудотворца, а также других особенностей делает вывод, что эта редакция Диатаксиса была создана под руководством самого ктитора для московского Успенского собора и связанного с ним Чудова монастыря. При этом исследователь утверждает, что этим ктитором-составителем был митрополит Московский Алексей, усматривая связь этой редакции Диатаксиса с ранним русским переводом Иерусалимского устава, сделанным также под руководством митрополита Алексия⁵.

Таким образом, на данный момент выделяются три славянские редакции Диатаксиса патриарха Филофея: Афонская, содержащаяся в списках начала XV в. (А), редакция Евфимия Тырновского в Зографском свитке и Зографском служебнике XIV в. (Е) и русская, содержащаяся в русских списках конца XIV — начала XV в. (Р). Русская редакция Диатаксиса текстологически значительно отличается от южнославянских, что свидетельствует об особой ктиторской версии⁶. Однако вопрос о ее авторстве остается неразрешенным.

Указанные редакции Диатаксиса являются не изученными с лингвистической точки зрения. Чтобы определить их место в славянской книжной традиции, в настоящей работе исследуются их лингвистические особенности на различных уровнях и на основании выделенных различий устанавливаются различия в переводческих принципах и определяются взаимоотношения между редакциями.

Лексические различия между текстами касаются прежде всего литургической терминологии, что играет важную роль для определения нормы богослужебного текста. Выбор лексем для

перевода греческого термина позволяет определить принадлежность рассматриваемого перевода к той или иной переводческой традиции в зависимости от того, ориентируется ли текст на стандартную церковнославянскую норму, отдает ли предпочтение локальным эквивалентам, или заимствует греческий термин⁷. Так, наиболее многочисленную группу разночтений в текстах славянских редакций Диатаксиса составляют случаи выбора стандартной церковнославянской лексемы русской и Афонской редакциями, в то время как редакция Евфимия использует гречизм: время служебное (P) — время службы (A) — время антоургии (E) греч. *ἱεροουργίας καιρός*; блюдо, блюдце (P) — блюдце, блюдо (A) — дискосъ (E) греч. *δίσκος*; поставьшнн (P) — поставльшнн (A) — херотвинсавшнн (E) греч. *χειροτονήσαντος*; поклонъ (P) — поклонение (A) — метаніе (E) греч. *μετάνοια*. При выборе славянских эквивалентов во всех трех редакциях наблюдается тенденция русской и Афонской редакции употреблять один термин, в то время как чтение редакции Евфимия отличается: стын хлвбъ (P) — стын хлвбъ (A) — стын агнецъ (E) греч. *ἅγιος ἄρτος*; покровецъ, покровъ (P) — покровецъ (A) — покрывало (E) греч. *κάλυμμα*; свѣщннкъ (P) — свѣщннкъ (A) — свѣтнннкъ (E) греч. *μαννάλιος*; танна (P) — таннство (A) — служба (E) греч. *μυσταγωγία*; лукавѣн (P) — лукавѣн (A) — сквернѣн (E) греч. *πονηρός*;altarъ (P) — altarъ (A) — жрѣвннкъ (E) греч. *βῆμα* («алтарь»). Другую, также достаточно многочисленную, группу составляют случаи совпадения лексем Афонской и Евфимиевской редакций, что вполне объясняется их южнославянским происхождением. При этом русская редакция использует другие слова. Здесь также выделяется целый пласт гречизмов, на этот раз представленных в Афонской и Евфимиевской редакциях в отличие от русской, где предпочтение отдается славянским лексемам: создателн (P) — ктнторн (A) — ктѣторы (E) греч. *κτητόροι*; жертвеннкъ (P) — проскомндна (A) — проскомндѣа (E) греч. *πρόθεσις*; образъ (P) — нкона (A) — нквна (E) греч. *εἰκών*; престоль (P) — трапеза (A) — трапеза (E) греч. *τράπεζα*; въздухъ (P) — аеръ (A) — аеръ (E) греч. *ἀήρ*. В некоторых случаях перевод греческого термина совпадает в русской редакции и редакции Евфимия, отличаясь от соответствующего чтения Афонской редакции, однако таких примеров только три: потнрь (P) — чаша (A) — потѣрь (E) греч. *ποτήριον*; настоан (P) — прѣстатель (A) — настоан (E) греч. *προεστός*; страна (P) — лнкъ (A) — страна (E) греч. *χωρός*. Варианты русской и Евфимиевской редакций потнрь и настоан являются «новыми», широко использующимися в текстах уже после XIV в., что может свидетельствовать в пользу более позднего происхождения этих редакций Диатаксиса по сравнению с Афонской.

Обращает на себя внимание использование некоторых лексем в русской редакции Диатаксиса. С одной стороны, здесь присутствуют слова, характерные именно для русской письменной тра-

диции. Так, лексемы *оукропыць* («теплая вода»), а также *оукропыннкъ* («сосуд для теплой воды») встречаются только в русской редакции Диатаксиста, в южнославянских текстах им соответствуют термины *топлота*, *теплое*, которые ближе передают греческий термин: *принимать* *оукропыннкъ*, *ваннаеть оукропыца* (P): *теплое* (A): *топлота* (E) — *τὸ ζέον*. Слова *оукропыць*, *оукропыннкъ* в указанном значении характерны и для других древнерусских текстов, таких, как русский Студийский устав, Церковные правила Илии, архиепископа Новгородского, Софийский временник. В тексте русского Диатаксиста встречается также характерная для русских текстов лексема *крошкы* в значении «части просфоры»: *сврѣтѣ крошкы около стѣ блѣн* (P) — *частн* (A) — *частн* (E) греч. *μερίδας*. Наличие таких слов, как *крошкы*, *оукропыць* в тексте одной из редакций Диатаксиста наряду с тем, что она неизвестна в южнославянских списках, подтверждает ее русское происхождение. С другой стороны, русская редакция Диатаксиста отличается наличием некоторых «уникальных» грецизмов, неизвестных в данном значении ни предшествующей, ни последующей церковнославянской традиции: *лавнта* для греческого *λαβίδα* («ложка для причастия»), ср. *лѣжнца* в Афонской и Евфимиевской редакциях; *фнннкъ* для греческого *μοῦσα* («маленькая метла для сбора частей литургического хлеба»), ср. *метанца* в южнославянских редакциях. Вероятно, эти слова являются локальными литургическими грецизмами, присущими только очень узкому кругу текстов русского извода, что позволяет предположить их принадлежность русской переводческой традиции XIV в. и считать их своего рода регионализмами. По наличию таких уникальных грецизмов этот текст типологически сближается с русским переводом Иерусалимского устава, в котором также присутствуют особые грецизмы.

На грамматико-синтаксическом уровне в славянских редакциях Диатаксиста интерес вызывает использование или отказ от использования формы двойственного числа глагола-сказуемого при согласовании с подлежащим, обозначающим двух лиц. В редакции Евфимия Тырновского, а также в русской редакции в конструкциях, описывающих действия двух субъектов, используются только формы единственного и множественного числа глаголов, а формы двойственного числа полностью отсутствуют во всех списках этих редакций. При этом в списках Афонской редакции двойственное число глаголов в таких контекстах используется достаточно последовательно: *н тако ѡходѣтъ малымн двермн к жертвеннкѣ глѣце къ себѣ мѡ* (P): *н тако вхѡдѣа въ стѣын олтарь. н творѣа метаніе прѣ стѡѡ трапезѡѣ, н глѣа мѣтвѣа сіѣ* (E): *н тако ѡходѣнта . егда же поклонѣтасѣа глѣта къ себе мѣтвѣу сню* (A) — *καὶ οὕτως ἀπέρχονται. ὅτε δε προσκυνούσι λέγουσι καθ' ἑαυτοὺς τὴν εὐχὴν ταύτην; прнходѣнтѣ нерен с дѣякономѣ прѣ стѣю трапезѡѣ. н творѣа поклонѣа оба* (P): *прнходѣнтѣ їерен же н дѣякѡѣ прѣ стѣа трапезѣа н творѣа поклоненіе въ копѣѣ* (E): *прнходѣнта нерен же н дѣякѡѣ*

прѣдъ стѣю трпезоу. н творѣта поклоненне (A) — ἔρχονται ὅτε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας τραπέζης καὶ ποιοῦσι προσκύνησιν ὁμοῦ. Сказанное о формах глаголов-сказуемых является верным и по отношению к действительным причастиям настоящего времени, обозначающих действия двух субъектов. В русской и Евфимиевской редакциях такие причастия стоят в форме множественного числа, в Афонской — в форме двойственного: тѣ приложивше вѣа рѣкы своя к персемъ своимъ крѣтавѣразно покланяють сѣ бл҃гоговѣннемъ (P): таже свѣзавше вѣон свон рѣцѣ н поклоншеса (E): тѣ свѣзавша вѣа рѣцѣ свон. н поклоншася (A) — εἶτα δῆσαντες ἀμφοτέροι τὰς ἑαυτῶν χεῖρας καὶ προσκυνήσαντες εὐλαβῶς; покланяють оба ꙗ прѣ стѣю трпезоу молащѣ к себѣ (P): покланѣѣтса вѣон прѣ стѣю трпезоу, молащеса вѣ себѣ (E): покланѣтса вѣа прѣ стѣю трпезоу молащаса к себѣ (A) — προσκυνοῦσι ἀμφοτέροι τρίτον ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας τραπέζης εὐχόμενοι καθ' ἑαυτοῦς. Таким образом, Афонская редакция Диатаксиса противопоставлена двум другим славянским редакциям тем, что в ней достаточно последовательно употребляются формы двойственного числа глаголов и причастий, в то время как в русской и Евфимиевской они отсутствуют вовсе. Это явление, возможно, свидетельствует в пользу более раннего происхождения текста Афонской редакции по сравнению с другими. Известно, что в более ранних южнославянских переводах Иерусалимского устава, а также в славянской редакции литургии преждеосвященных даров, предшествующей правленным ее редакциям, двойственное число глаголов используется во всех ожидаемых случаях. В то же время в более поздних редакциях Иерусалимского устава, как русских, так и болгарских, а также в правленных редакциях литургии преждеосвященных даров форма двойственного числа глаголов отсутствует⁸.

На синтаксическом уровне интерес представляет перевод определенных греческих моделей, те средства, которые предпочитают в разных славянских редакциях Диатаксиса. В разной степени все три редакции стремятся точно передать эти греческие модели. Так, во всех текстах греческий артикль при именной группе передается местоимениями нже, еже, однако менее последовательно эта тенденция выдерживается в списках русской редакции: свнрѣ крошкы около стѣ блѣ (P): сѣвнрѣеть еже вѣ стѣмъ блюдѣ частн (A): сѣвнрѣеть вѣса аже вѣ стѣ дѣскосѣ частн (E) — συλλέγει τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ δίσκῳ μερίδας; оустнѣ свон н стѣ потнра. тако покровцемъ отнраеть (P): оустнѣ свон же н стѣн частн. нже в рѣкоу покровцѣ отнрѣ (A): оустнѣ своѣ же н стѣннаго потѣрѣ нже вѣ рѣкоу дрѣжнмѣ покрывало обрѣсавѣ (E) — τότε ἴδια χεῖρῃ καὶ τοῦ ἱεροῦ ποτηρίου τῷ ἐν χερσὶ καλυμματίῳ ἀποσπογγίσας.

В рассматриваемых редакциях представлены различные способы передачи греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом. Так, конструкция μετὰ τὸ + inf., выражающая отношения следования во времени, калькируется в русской и

вянские редакции используют модель с предлогом $\bar{\omega}$, калькируя греческую и таким образом отказываясь от традиционной беспредложной модели: $\text{се́мѹ же глѣ́мѹ } \bar{\omega} \text{ ерѣѣа (P): се́мѹ же глѣ́мѹ } \bar{\omega} \text{ не́рѣа (A): се́мѹ же глѣ́мѹ } \bar{\omega} \text{ ї́рѣа (E) — } \tau\acute{o}\upsilon\tau\omicron\upsilon \delta\epsilon \lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon \text{ παρὰ τοῦ ἱερέως.}$

Выделенные различия свидетельствуют о том, что все три славянские редакции Диатаксиса являются самостоятельными, индивидуальными редакциями этого текста, обладающими своими лингвистическими особенностями и отражающими различные переводческие принципы. Так, наиболее «грецизированной» как на лексическом, так и на синтаксическом уровне является редакция болгарского патриарха Евфимия Тырновского. В тексте этой редакции отразились основные принципы Тырновской школы справщиков, а именно установка на буквализм перевода, вследствие чего многие традиционные церковнославянские средства заменяются на грецизмы. Другая переводческая установка проявляется в русской редакции Диатаксиса, которая отказывается от заимствований, характерных для всех южнославянских богослужебных текстов ($\lambda\epsilon\rho\bar{\nu}$, $\kappa\tau\eta\tau\omicron\rho\bar{\nu}$, $\eta\kappa\omicron\eta\alpha$), и непосредственно калькирует греческие синтаксические конструкции. Присутствие некоторых «новых» средств в русском тексте не позволяет приписывать его создание митрополиту Алексию, создавшему, как считается, раннюю русскую редакцию Иерусалимского устава (ГИМ Син. 328 и Син. 329, XIV в.). Сопоставление лексико-грамматической нормы русской редакции Диатаксиса и указанной редакции Иерусалимского устава показало, что в последнем предпочтение отдается архаичным, иногда региональным средствам, в то время как в Диатаксисе проявляются «новые» тенденции (лексемы пoтнрѣ , настоѣан , отсутствие двойственного числа, калькированные синтаксические конструкции) и отсутствуют яркие регионализмы⁹. О том что данная редакция Диатаксиса принадлежит русской традиции, свидетельствуют не только характерные русские памяти и некоторые другие литургические особенности¹⁰, но и языковой материал: наличие некоторых собственно русских лексем, наличие «уникальных» грецизмов, что типологически сближает этот текст и текст ранней русской редакции Иерусалимского устава. Афонская редакция, самая распространенная в славянской традиции, вероятно, является и самой ранней по времени появления. Об этом свидетельствует наличие ее чтений в двух других редакциях, создателям которых, возможно, Афонская редакция была уже известна. Вместе с тем в ее тексте присутствуют и архаичные славянские средства (лексемы чаша , лнкъ , прѣстатель , использование двойственного числа глаголов, отказ от калькирования греческих предложных и инфинитивных моделей), которые заменяются более «новыми» в русской и Евфимиевской редакциях.

Примечания

- ¹ См.: *Афанасьева Т.И.* Южнославянские переводы литургии Иоанна Златоуста // Многократные переводы в Южнославянском Средневековье. София, 2006. С. 262.
- ² См.: *Сырку П.А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке // Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1890. Т. I, вып. 2. С. 1—31.
- ³ См.: *Мансветов И.Д.* Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 21—23.
- ⁴ См.: *Красносельцев Н.Ф.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки с замечаниями о составе и особенностях богослужебных последований, в них содержащихся, и с приложениями. Казань, 1885. С. 162.
- ⁵ См.: *Пентковский А.М.* Из истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия (литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. 1993. № 29. С. 225—231.
- ⁶ См.: *Афанасьева Т.И.* К вопросу о редакциях славянского перевода Диатаксиста патриарха Филофея Коккина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 10—12.
- ⁷ См.: *Пентковская Т.В.* Иерусалимский устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI) // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живога. М., 2006. С. 148.
- ⁸ Там же. С. 164—167.
- ⁹ См.: *Панова С.И.* Диатаксист патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции. Вопрос о происхождении особой русской редакции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 79—80.
- ¹⁰ См.: *Пентковский А.М.* Указ. Соч. С. 226—229.